

УДК 94(47).084.5: 323.2

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.12>

С. М. Смагина

РОССИЙСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ В ЭМИГРАЦИИ: ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ И РЕАЛИИ

В статье исследуется недостаточно изученный аспект истории российских социал-демократов (меньшевики) – их деятельность в эмиграции. Они представляли собой за рубежом весьма «рассеянное сообщество», и, как правило, концентрировались вокруг известных партийных лидеров и их периодических изданий. Важную роль играла Заграничная Делегация РСДРП (ЗД) – официальный руководящий орган партии за границей (1921 – 1951 гг.). Признав переходный характер эпохи, российские социал-демократы провели коррекцию теоретической программы и тактики, и, тем самым, внесли свой вклад в формирование концепции демократического социализма в меньшевистской интерпретации. В этой связи наиболее значимой представляется их деятельность, начиная с рубежа 1920 – 1930-х гг. и заканчивая кануном войны. Именно в этот период российские социал-демократы провели интенсивную работу по уточнению партийной платформы, решив ряд спорных вопросов и впервые приняв [октябрь 1933] итоговый документ обеспечивший компромисс между различными партийными течениями в их среде.

Разразившийся в 1929 – 1933 гг. мировой экономический кризис поставил вопрос не только о его причинах, сути, последствиях, но и о задачах социал-демократии в условиях появления новых ориентиров «международного социализма», в выработке которых приняли участие и российские меньшевики. Подвергся их анализу и характер проведения «сталинской генеральной линии» индустриализации, коллективизации и первых пятилеток с полным неприятием «кровавых... и хищнических форм» режима диктатуры, но одновременным выделением «исторически-положительных сторон» проходивших процессов.

Ключевые слова: демократический социализм, «внепартийные правые», Заграничная Делегация РСДРП, «мартовская линия», партийная платформа, Меморандум ЗД, Социалистический Вестник.

Для цитирования: Смагина С.М. Российские меньшевики в эмиграции: оценки, прогнозы и реалии // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 100–107. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.12

Svetlana Smagina M.

RUSSIAN MENSHEVIKS IN EMIGRATION: ESTIMATES, FORECASTS AND REALITIES

The article considers the insufficiently studied aspect of the Russian Social Democrats' (Mensheviks) history – their activities in emigration. They represented as a very “scattered” community abroad, and, as a rule, concentrated around well-known party leaders and their periodicals. A special role was played by the Foreign Delegation of the Russian Social Democratic Workers' Party (the Foreign Delegation) – the official governing body of the party abroad (1921-1951). Having admitted the transitional nature of the epoch, the Russian Social Democrats corrected the theoretical platform and tactics, and thereby contributed to the formation of the concept of democratic socialism in the Menshevik interpretation. In this connection, their activities seem to be the most significant, starting from the 1920s – 1930s and ending on the eve of the war. That's when the Russian Social Democrats carried out intensive work to define the party platform, resolving a number of controversial issues and for the first time adopting [October 1933] the final document that provided a compromise between the various party currents among them. The world economic

crisis that broke out in 1929-1933 raised the question not only about its causes, essence, consequences, but also about the tasks of social democracy in the conditions of the “international socialism” new guidelines appearance, in the development of which the Russian Mensheviks also took part. They also analyzed the nature of the “Stalinist general line” of industrialization, collectivization and the first five-year plans with a complete rejection of the “bloody ... and predatory forms” of the dictatorship regime, but at the same time highlighting the “historically positive sides” of the ongoing processes that took place.

Key words: democratic socialism, “non-partisan rightists”, RSDLP Foreign Delegation, “martovskaya liniya”, party platform, the Foreign Delegation Memorandum, Socialist Bulletin.

For citation: Smagina S. M. Russian mensheviks in emigration: estimates, forecasts and realities // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 100–107. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.12

российским социал-демократам (меньшевикам), представлявшим собой в эмиграции довольно-таки «рассеянное сообщество» [8, с.51], сконцентрированное, как правило, вокруг известных изданий и их идеологов. Приобретенный ими опыт и сегодня актуален в силу того, что в обществе

Актуальность темы связана, прежде всего, с тем, что в современной России усилилось целенаправленное обращение к идеологическому наследию российских партий начала XX в., в значительной степени откорректированному во время их пребывания в эмиграции. Это относится и к

не исчезает интерес к левой системе ценностей, к социально окрашенным идеям с их мощным гуманистическим потенциалом; усиливается внимание к универсальным образам человеческих представлений о таком государственном устройстве, которое бы гарантировало возможность «лучшей жизни», а не просто организации общества, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех [2, с. 5–6]. Поражение «ортодоксального социализма» в его большевистском варианте, по мнению какой-то части научного сообщества, не доказывает несостоятельность социал-демократической идеи в целом, что демонстрирует практика модели «социально государства» скандинавских стран, особенно Швеции и др. [13, с. 533].

Вот почему не иссякает исследовательский интерес к обозначенной теме, растет число научных статей и монографий, отражающих сложный процесс идейных подвижек во взглядах отдельных направлений российской социал-демократии за рубежом, попыток их самоидентификации и соответствующего «прозрения» по многим аспектам теории и практики. Произошло становление единого историографического пространства отечественных и зарубежных ученых в связи с реализацией международного университетского проекта по истории меньшевизма (Inter-University Project of the history of the Menshevik movement). В 2010 г. был опубликован последний том по документальной истории, посвященный деятельности Заграничной Делегации РСДРП (1922 – 1951 гг.)

Известный научный интерес вызвала монография А.П. Ненарокова «Правый меньшевизм. Прозрения российской социал-демократии», вышедшая в 2012 г., автор которой представил достаточно полную картину деятельности этой части меньшевиков во главе с А.Н. Потресовым, в известной степени – и с П.Б. Аксельродом в России и за рубежом, придя к выводу о том, что данная часть меньшевиков оказалась большими прагматиками, чем приверженцы «мартовской линии», сохранившими определенные иллюзии вплоть до самоликвидации организации в 1951 г. [10, с.10 – 11]. И все-таки проблема изучения отдельных периодов пребывания российских социал-демократов в эмиграции, выявления их реакции на события, происходившие в России и Европе, и их соотнесения с ранее наработанными доктринальными установками, остается актуальной и значимой.

Целью данной статьи является анализ деятельности социал-демократов в период, начало которого связано с рубежом 1920 – 1930-х гг., затем охватывает предвоенные годы. Такой хронологический выбор обусловлен рядом причин. Прежде всего, именно в эти годы российские социал-демократы провели интенсивную работу по уточнению партийной платформы, решив некото-

рые спорные вопросы и впервые приняв (октябрь 1933) итоговый документ, обеспечивший компромисс между различными партийными течениями в их среде. Сыграло роль и то обстоятельство, что постепенное преодоление мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг. поставило вопрос не только о его причинах, сути, особенностях, но и о задачах социал-демократии в условиях появления новых ориентиров «международного социализма», в выработке которых приняли участие и российские меньшевики. Также, на первую половину 1930-х годов пришлось проведение «сталинской генеральной линии» индустриализации, коллективизации и первых пятилеток, вызвавшей у меньшевиков, по крайней мере, у их части ответную реакцию бережного отношения к «исторически-положительным сторонам» этого процесса. Признав «переходный характер эпохи» и необходимость решения трех наиболее важных вопросов: о формах противостояния фашизму, перспективах войны и мира, социализма и демократии, – российские социал-демократы, прежде всего, члены Заграничной Делегации, включившись в дебаты на съездах и конференциях Рабочего Социалистического Интернационала (1923–1940 гг.), сыграли определенную роль в политической жизни Европы и разработке «политики мирового пролетариата» с надеждой привлечения к движению СССР и его победы в случае войны с гитлеровской Германией.

К концу 1920-х гг. за рубежом существовало немало социал-демократических групп, как правило, сформировавшихся вокруг известных партийных лидеров и соответствующих изданий. Так, Александр Николаевич Потресов, в свое время, лидер меньшевиков-оборонцев и один из трех основных докладчиков на последнем Чрезвычайном съезде РСДРП (декабрь 1917 г.), но, в отличие от двух других: М.И. Либера и Ю.О. Мартова, признавшего «катастрофическое состояние» социал-демократической партии и закончившего доклад словами о необходимости проведения тактики «национального единства» [5, с.390 – 391], опосредованно вернулся к этой проблеме, уже находясь, после пребывания в советской тюрьме, с 1924 г. в эмиграции. В изданной в 1927 г. в Париже работе «В плену иллюзий (мой спор с официальным меньшевизмом)» он предрек, что изначально обреченный социальный эксперимент большевиков сделает «без вины виноватым... и социализм (за компанию с, действительно, виновным коммунизмом большевиков), и пролетариат, и даже Карла Маркса» [1, с.321 – 322]. Будущее, гармонично развивающееся и дающее счастье индивидам человеческого общества, он связывал с идеями свободы и демократии как ценностями, созданными историческим процессом и общественной мыслью. В издаваемых им «Записках социал-демократа» (1931 – 1934 гг.)

и редактируемой «Библиотеке демократического социализма» развивались эти идеи. Последняя признавалась как «внепартийное социал-демократическое издание» официальным органом РСДРП в эмиграции – Заграничной Делегацией, не воспрепятствовавшей в конечном итоге участию в нем семи своих членов, хотя это и стало предметом специальной дискуссии на одном из ее заседаний [8, с.316 – 317]. Но все-таки полностью связи не прерывались вплоть до смерти А.Н. Потресова в 1934 г.

Менее лояльной оказалась позиция данной организации по отношению к «Запискам социал-демократа» А.Н. Потресова, которая проявилась в связи с публикацией на страницах издания статьи члена Заграничной Делегации Г.О. Биштока и была квалифицирована как «дезорганизаторский акт» со стороны последнего [8, с.521]. Взаимоотношения складывались трудно, понимание достигалось далеко не всегда.

Это же касалось еще одного издания, привлекавшего внимание социалистической эмиграции – журнала «Заря», организованного и редактируемого бывшим на родине меньшевиком-оборонцем Ст. Ивановичем (С.О. Португейсом) в Берлине как «органа социал-демократической мысли» (1922–1925 гг.). Однако официальный партийный орган меньшевиков – Заграничная Делегация – не рекомендовал своим членам публиковаться на его страницах как изданию группы «внепартийных правых», пользовавшимся «дружеским расположением» А. Н. Потресова. Кстати, одна из лучших работ Ст. Иванова (Португейса), изданная в 1938 г. была посвящена Потресову, точнее, воссозданию его культурно-психологического портрета [1]. На значимость этой и других работ С. О. Португейса для идейного багажа российских социал-демократов обратил внимание член Заграничной Делегации Б.И. Николаевский в специальной статье, посвященной его памяти [12, 1944, №4-5]. С ноября 1941 г., Ст. Иванович стал сотрудником «Социалистического вестника».

Но наибольшее число социал-демократов сконцентрировалось вокруг Заграничной Делегации РСДРП, созданной Ю. О. Мартовым и Р. А. Абрамовичем, прибывшими за границу во второй половине 1920 г. В феврале 1922 г. к ним присоединились и другие, высланные из России члены ЦК РСДРП. Заграничная Делегация (ЗД) РСДРП после массовых арестов 1923 – 1924 гг. в России, фактически положивших конец регулярному функционированию полулегального русского Бюро ЦК, стала единственным легитимным руководящим органом партии с печатным изданием «Социалистический Вестник», выходившим в течение 1920–1966 гг. сначала в Берлине (1921–1933 гг.), Париже (1933–1940 гг.), затем (с перерывами) в Нью-Йорке.

Согласно первому протоколу ЗД от 9 сентября 1922 г., в ее состав входили Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, Р. А. Абрамович, Д. Ю. Далин, А. А. Югов, Е. Л. Бройдо, Б. И. Николаевский, Г. Я. Аронсон (с совещательным голосом) и П. Б. Аксельрод (позднее вышедший из нее). В последующие годы был введен еще ряд социал-демократов: И. Л. Юдин, Б. Л. Гуревич (Двинов), С. М. Шварц, М. С. Кефали (Камермахер) [8, с.182], впоследствии в нее были кооптированы П. А. Гарви, Ю. П. Денике и самый молодой из них Б. М. Сапир, представлявший до войны русский социал-демократический союз молодежи в Социалистическом Интернационале молодежи. Председателем ЗД с 1923 г. (после смерти Ю. О. Мартова) по 1940 г. был Федор Ильич Дан, защищавший на протяжении всех этих лет «мартовскую линию». В 1940 г. его на посту председателя ЗД сменил Р. А. Абрамович, который постепенно переместился к центристской позиции, хотя продолжал защищать сложившиеся партийные постулаты.

За пределами партийной верхушки, сосредоточившейся в ЗД, находилось значительное число меньшевиков. Концентрация членов партии, подобная ЗД, имела место в Берлине, Париже и Нью-Йорке. Меньшие по числу и времени существования группы были в Риге, Женеве, Льеже, Праге, Харбине [8, с.218]. При меньшевистских организациях создавались партийные клубы и группы содействия для сочувствовавших меньшевикам (за границей в организацию зачислялись только те, кто был членом партии на родине – из-за боязни проникновения в нее советских агентов). Не допускались не только в группу, но и в клубы лица, принадлежавшие к другим партиям, или «внепартийные» лица, задействованные в органах печати, ведущих борьбу с РСДРП. Исключения допускались редко. Так, в протоколе заседания ЗД от 4 февраля 1927 г. была допущена (по предложению Ф. Дана) такая возможность по отношению к А.Н. Потресову, в случае его инициативы, но именно, «в виде исключения» [1, с.254]. Одновременно, правая группа в ЗД (Г. Я. Аронсон, Г. О. Биншток, В. С. Войтинский, П. А. Гарви, М. С. Кефали) выступила со специальным заявлением об обращении к А. Н. Потресову о сотрудничестве в партийной прессе [«Социалистическом Вестнике»] с целью «консолидации социал-демократических сил»; была допущена возможность помещения его статей в дискуссионных сборниках, издаваемых на основании постановления партийного совещания членов ЗД [8, с.258].

Но, в целом, большинство ЗД во главе с Ф. И. Даном на компромиссы шло неохотно. Более лояльной была обстановка в партийных клубах и группах содействия.

Многие клубы были весьма многочисленными. Например, Берлинский партийный клуб имени Мартова к 1932 г. насчитывал около 70 членов и

был особенно активен. Там постоянно заслушивались и активно обсуждались доклады членов ЗД на актуальные темы: Дан Ф. И. «Два пути»; Абрамович Р. А. «Перспективы большевизма и наши задачи»; Николаевский Б. И. «Алгебра и арифметика» и т. д. [8, с.48-49]

Достаточно активно действовали члены Парижского меньшевистского клуба, руководитель которого М. С. Зборовский в 1927 г. выступил с инициативой празднования 10-летия Февральской революции, предложив привлечь к этому членов образовавшегося в Париже Международного социалистического клуба эмигрантов [8, с. 255], имевшего традиционные для парижской группы связи с прибалтийскими социал-демократическими партиями и партией Грузии.

Тем самым расширялись границы обсуждения актуальных вопросов, апробировались подходы и аргументы, вырабатывались оценки. Особые отношения связывали ЗД РСДРП с интернационалистским крылом Грузинской социал-демократии в лице И.Г. Церетели – члена Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала, признанного многими членами ЗД «заслуженным членом РСДРП» [8, с.447]. Однако отношения И. Г. Церетели с председателем ЗД Ф. И. Даном складывались непросто, в частности, он довольно резко выступал против курса последнего на самоизоляцию РСДРП, отказа от контактов с другими эмигрантами, особенно с социалистическими партиями, а также по отдельным теоретическим вопросам. В отношении к советскому режиму занимал более непримиримую позицию, также, как и по вопросу национальной политики в СССР. В полемике Ф. И. Дана и И. Г. Церетели последнего активно поддерживал член ЗД Б. И. Николаевский, в специальном проекте резолюции (июнь 1930 г.), напомнивший о совместной работе с ним «рука об руку» в Интернационале и других организациях социал-демократов [8, с. 446–447]. И неслучайно ставший впоследствии членом ЗД Б. М. Сапир считал, что отказ ее большинства, во главе с Ф.И. Даном, от усиления контактов с И. Г. Церетели и в его лице с интернационалистским крылом грузинской социал-демократии со временем явилось одним из факторов, способствовавших утрате Даном авторитета в организации [8, с.448].

Вообще, составители сборника документов «Меньшевики в эмиграции» называют Бориса Ивановича Николаевского «ключевой фигурой ЗД» на все время ее существования [8, с.42]. На наш взгляд, применительно к 30-м годам ее функционирования об этом можно писать только с известной долей условности. Как свидетельствуют документы, все-таки в данный период во главе сложившегося «большинства ЗД» стоял Ф. И. Дан и авторитет его был достаточно высок [8, с.449, 632, 659; и т. д.].

Общим в зачастую разных позициях споривших между собой российских социал-демократов, в том числе и в рамках ЗД, оставалось главное – учесть потребности дня в расчете на будущее. Даже такие порой несхожие в своих взглядах лица, как Дан и Николаевский, все же сходились в одном: оба считали, что грядущие изменения отметят новую эпоху и определят новые задачи и русского, и международного социализма.

Все это особенно проявилось на рубеже 1920-1930-х гг. в разработке и принятии новых программных документов РСДРП, в связи с развитием партийной платформы 1924 г., принятой, в свое время, на расширенном пленуме ЦК РСДРП в Берлине [7, с. 558–577]. Основой этой платформы была «мартовская линия», сформулированная еще ранее на двух всероссийских совещаниях, проходивших в Москве в марте и апреле 1920 г., и призванная обосновать сложные вопросы стратегии и тактики социал-демократии в новых условиях [6, с. 368–370, 424–432].

Характерно, что РСДРП и возникла, и всегда позиционировала себя как марксистская партия. Это означало, что исторический процесс был для нее главной политической школой, отсюда характерным для ее стратегии и тактики было не только постоянное возвращение к анализу прошлого опыта, но главное – прогнозирование будущего на основе овладения ситуационными явлениями в сочетании с обобщением пройденного пути.

Сущность происходивших в СССР потрясений в начале 1930-х гг. была такова, что она не могла не вызвать соответствующей реакции российских социал-демократов и повлиять на коррекцию программных положений. Оказывал на низ влияние, как, впрочем, и на все европейское социалистическое движение и мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., а также возросшая угроза фашизации режимов.

Проблема уточнения стратегической линии и тактики стала особенно актуальна для российских социал-демократов после того, как в России был свернут НЭП. Коллективизация, эта масштабная по своим последствиям акция, стала также основой многих предсказаний меньшевиков о грядущей судьбе советского режима. Настойчиво, и не только внутрипартийными правыми, но и большинством во главе с Даном, стало подчеркивание кризисного положения в СССР. Как свидетельствуют протоколы ЗД, постоянное заслушивание писем и другой информации, поступавших в организацию из России, стало системой ее работы, как и отправление «извлечений» из этой корреспонденции в партийные группы и клубы [8, с.234, 323–324, 405; и д.р.]. В «Социалистическом Вестнике» была открыта партийная дискуссия по вопросам тактики после публикации статьи П. А. Гарви «Новый этап диктатуры и наша тактика» [12, 1930 г., №3 (217)]. В связи с тем,

что члены ЗД были не удовлетворены разделом, посвященным России в первом майском воззвании Рабочего социалистического интернационала, 30 апреля 1930 г. ЗД РСДРП был принят специальный документ – Меморандум «О современном политическом положении в Советском Союзе». Его положения во многом определили изменения, внесенные позднее в программный документ РСДРП; они базировались на скрупулезном изучении сведений, поступивших с Родины.

Основным фактором, определявшим современное политическое положение в советской России, был назван обострившийся «конфликт между коммунистической диктатурой и крестьянством» [здесь и далее выд. в тексте – С.С.]. Однако инновационной для российских социал-демократов стала попытка напрямую связать этот конфликт с особенностями русской революции и характером социальных сил, свершивших ее. Доминировала мысль о том, что «радикальная победа революции» над старым режимом была обусловлена совместной борьбой двух классов – пролетариата и крестьянства и что «исторически достижимые социально-политические результаты революционного процесса» были связаны с интересами крестьянства как основной социальной и хозяйственной силой русского общества. Политика же «раскулачивания» и коллективизация крестьянства оценивалась как политика его хозяйственной экспроприации и введения государственной барщины. Был сделан важнейший вывод о том, что главным экономическим следствием «новой аграрной политики» явилось катастрофическое обострение всех хозяйственных трудностей диктатуры; политическим же последствием, выглядевшим еще более опасным, стал разгоравшийся конфликт между крестьянством и большевистским правительством, который оценивался меньшевиками «как переломный момент не только в истории коммунистической диктатуры, но и развязки русской революции вообще» [8, с. 416–417]. Аргументы в пользу данного вывода приводились весомые: усиление и обострение «сепаратистских движений... в национально-компактных, преимущественно крестьянских областях Советского Союза», переходивших в открытые восстания; расшатывание «государственного и хозяйственного аппарата диктатуры»; рост настроений неверия и среди «самых коммунистов»; усиление борьбы фракции и уклонов в коммунистической партии и «внутри нее», окончательное подавление свободы всех общественных организаций от профсоюзов до советов, усиление борьбы с церковью, а главное – «возрождение террора», обращавшегося острием своим уже не против классов, побежденных в революции, а против классов, ее совершивших [8, с. 418–419]. В итоге, констатируя назревание «кризиса пережившей себя коммунистической диктатуры» [выд.

в тексте – С.С.], социал-демократы сформулировали возможные пути изменения ситуации: осуществление программы «политического и хозяйственного раскрепощения», отказ от социальных утопий; демократизация советского режима; смена коммунистической диктатуры «сильной демократической властью» [8, с. 420–421].

При этом, российские социал-демократы, оставаясь принципиальными противниками теории «социализма в одной стране» и по-прежнему оперируя термином об отсталости России, связывали перспективу ее социалистического преобразования с назреванием революционного процесса в передовых промышленных странах, которые не могут не быть его «исторической колыбелью» [8, с. 422].

Таким образом, большинство российских социал-демократов, входивших в ЗД, в начале 1930-х гг. по-прежнему разделяли теорию мировой социалистической революции, возводя ее в ранг концепции, хотя и обращали внимание на усложнение процесса ее реализации.

Более жестко оценила ситуацию в России правая партийная оппозиция ЗД, представившая одновременно свой проект доклада Исполкому Рабочего Социалистического Интернационала (А. Кефали, П. Гарви, Вл. Войтинский и др. – в итоге 12 человек). В документе был не просто выражен протест против террора в СССР, но и подчеркивалась необходимость «более углубленной и широкой постановке проблемы большевизма... в целом» [подч. в тексте – С.С.] губительного эксперимента над русским крестьянством, что связывалось с необходимостью «более углубленной и широкой постановки проблемы большевизма... в целом». Целью такой постановки должно было стать скорейшее изживание вредных иллюзий в отношении большевизма и создание прочной теоретической базы для той «социалистической интервенции международного пролетариата, которая является долгом его перед русской революцией и рабочим классом...». В заключение подчеркивалось, что изживание большевизма возможно путем демократического преодоления большевистской диктатуры» [8, с. 424 – 425].

Также более трезвую оценку давали представители правой партийной оппозиции в ЗД, в частности, В. С. Войтинский, ситуации, связанной с мировым экономическим кризисом, который он, выступая в Берлинском клубе, назвал экзаменом на зрелость мирового рабочего движения. Основная задача данного движения, по его мнению, отныне сводилась к овладению рычагами для управления хозяйственной стихией, т.е. выработке активной хозяйственной политики во имя спасения положения; тезис о мировой революции в прежней редакции не упоминался, речь же шла о необходимости соответствующих экономических реформ и деструктуризаций, т.е. предлагалось

готовиться к социализму «не в виде резолюций, а в виде индустриальной промышленной демократии» [11]. Тем самым, российские социал-демократы, во многом еще интуитивно, закладывали контуры концепции демократического социализма не только в виде ее политической составляющей, но и возможной экономической платформы.

Необходимость уточнения программных положений, в свое время, сформулированных в партийной платформе РСДРП, в первой половине 30-х годов ощущалась всеми находившимся в эмиграции социал-демократами, в том числе и членами Заграничной Делегации РСДРП. Поэтому неслучайно председателем Ф.И. Даном было предложено составить «новые тезисы к платформе», учитывая новые условия в борьбе «за старые цели» [8, с.563, 567]. В начале октября 1933 г. состоялось расширенное совещание Заграничной Делегации РСДРП, названное в Информации «Социалистического Вестника» [12, 1933 г., 10 окт. №19 (304)], рядом пленарных заседаний. Тем самым, был подчеркнут особый статус проходившего совещания. Главным его «предметом» было названо обсуждение вопросов платформенного характера, подготовленное обширной дискуссией, проходившей по этим вопросам в клубах, на страницах партийного издания, среди членов ЗД. Было предоставлено четыре проекта; по крайней мере, два из которых во многом были близкими по подходам; несколько более резкие оценки содержал проект правой оппозиции.

В центре внимания уже в силу того, что их поддержало большинство членов ЗД, оказались тезисы Ф.И. Дана, содержавшие анализ изменений, происходивших в советской России, «особо тщательный учет тех хозяйственных, социальных и политических сдвигов» [выд. в тексте – С.С.], которые являются исторически уже неустраиваемыми» [8, с.571]. Важным тезисом было признание того, что революционные процессы еще не закончили своего цикла, поэтому большевистская диктатура, «при всех своих ошибках и преступлениях, еще отмечена печатью революции» [8, с.568]. Это положение, в конечном итоге, было поддержано участниками совещания и вошло в окончательный текст постановления ЗД «К партийной платформе», специально опубликованного в «Социалистическом Вестнике» [12, 1933, 10 окт. №19 (304)]. В этой связи в тезисах «большинства» (Ф.И. Дана и др.) было предложено РСДРП ставить во главу угла своей политики «бережное отношение к тем исторически-положительным сторонам [выд. в тексте – С.С.], какие имел процесс индустриализации страны и подъема ее «полуварварского» сельского хозяйства на высшую техническую ступень, хотя и в кровавых, хищнических и насильнических формах [8, с.571].

Характерно, что крестьянский вопрос особенно остро дискутировался на Совещании, и во всех четырех проектах тезисов он занимал немаловажное место. В проекте Ф.И. Дана обоснование его важности связывалось непосредственно с судьбой российской революции, «ключ» к которой лежал в конечном счете в складывающихся в крестьянстве настроениях в условиях проведения политики «генеральной линии» в СССР [8, с.570]. Необходимость установления «модуса сожительства с крестьянством», социального и политического примирения с ним как с классом в целях не только роста производительных сил страны, но и предотвращения контрреволюционного срыва революции [8, с.581], доказывали и авторы другого проекта (Р.А. Абрамович, Д.Ю. Далин, Б.И. Николаевский).

Поэтому этот раздел постановления ЗД оказался наиболее обширным и аргументированным. Главным тезисом обновленной платформы РСДРП стало отстаивание полной свободы индивидуального крестьянского хозяйства [выд. в тексте – С.С.], неразрывно связанную с допущением свободы частной торговли и промышленной деятельности». Было выдвинуто требование для насильственно коллективизированных крестьян «свободы выхода из колхозов», возвращения всех высланных и сосланных «разоренных и экспроприированных крестьян-единоличников», в том числе и «раскулаченных». Оно вошло в постановление ЗД «К партийной платформе» [8, с.624 – 625].

Однако, отдельные положения, сформулированные в проекте большинства ЗД (Ф.И. Дан и др.) и декларировавшие приверженность «мартовской линии», не были после обсуждения включены в новую партийную платформу. Прежде всего, не было сохранено в новых поправках положение из проекта Дана о том, что кризис 1929 – 1933 гг. прервал начавшийся процесс относительной стабилизации капиталистического хозяйства и международного умиротворения и, тем самым, поставил «низвержение капиталистического строя и замену его социалистическими в порядок исторического дня» [8, с.568], т.е., по существу, был снят тезис о мировой революции. Характерно, что к подобному выводу, правда, с несколько иной аргументацией пришла и правая оппозиция ЗД (Г.Я. Аронсон, М.С. Кефали, П.А. Гарви и др.), представившие в своем проекте обширный раздел, характеризовавший международное положение (кстати, в других проектах эта характеристика была сведена к минимуму). Подчеркивалось, что сложившаяся в результате мирового кризиса обстановка, характеризуемая ростом реакции, фашизма, военной опасности, а также разгромом социал-демократии и пролетариата в Германии, отнюдь не революционизировала рабочих, как это бывало при прежних кризисах. Наоборот, она

создала новые трудности для реализации концепции «демократического социализма» в мировом масштабе и тем более в советской России, где теория и практика «построения социализма в одной стране» выродилась «в утопию мнимого социалистического автократии» [8, с.584 – 585]. В такой редакции тезис правой оппозиции не был включен в программу, но ход обсуждения этого пункта заставил группу Ф.И. Дана отказаться от принципиального положения о неизбежности мировой революции, поставив вопрос о пересмотре сроков и, главное, условий ее совершения.

В итоге, по словам Дана, этого «столкновения» был выработан компромиссный вариант [9, 1933, 10 ноябр., №22 (307)], принятый большинством. Р. А. Абрамович, бывший в течение многих лет представителем Заграничной Делегации в РСИ, сменивший позднее Ф.И. Дана на посту ее председателя не раз критиковавший его проект, тем не менее, признал: «выработанный документ есть единственно возможная платформа» [8, с.619].

Таким образом, в 1933 г., после уточнения ряда спорных положений (об отношении к Советской России, о мировой революции, о соотношении борьбы за демократию и социализм), впервые удалось принять итоговый документ, обеспечивший компромисс между различными партийными течениями (правыми, левыми и центристами) в среде меньшевиков. Это дало им возможность в последующие несколько лет достаточно четко проводить свою тактическую линию.

В условиях усилившейся угрозы войны, кризиса политической демократии в Европе, возросшей агрессии фашизма российским социал-демократам удалось связать проблемы войны и мира с темой «социализм и демократия», переведя ее в разряд глобальных в новых условиях. Им также удалось сыграть определенную публичную роль, включившись в международную дискуссию по обсуждению проблемы борьбы за демократию в новых условиях, открытую председателем Исполкома РСИ Фридрихом Адлером специальным письмом (май 1938 г.) ко всем партиям, входившим в Интернационал. В свою очередь, с письмом к членам Заграничной Делегации РСДРП обратился Ф.И. Дан, сопроводив его тезисами «О борьбе за демократию» (не сохранились) и предложив прислать материалы к готовившемуся партийному совещанию. Был обрисован ракурс обсуждения: данная тема – это «не русская проблема» и даже не борьба за демократию в Советском Союзе, а борьба за демократию как «общая интернациональная проблема» [8, с. 788 – 789].

Таким образом, был определен достаточно высокий теоретический уровень обсуждения – обобщить опыт более чем за двадцать послевоенных лет и выявить его значимость «для всего демократического социализма». По мнению Дана, это не означало выработку «тактической рецеп-

туры», обязательной для всего Интернационала или отдельных его партий, а определение «общего русла» борьбы, ее «принципиальных вех» [8, с.791]. В качестве этих вех им назывались и «великая русская революция, и опыт борьбы за мир», все теснее сплетавшийся с борьбой против фашизма, за демократию. Отсюда следовал характерный для меньшевиков стратегический вывод: «без демократии нет, и не может быть социализма», трансформированный Даном в «двуединный» лозунг – «демократический социализм и социалистическая демократия» [8, с.793 – 794].

Выводы концептуального порядка были сделаны участником дискуссии П. А. Гарви, входившим в делегацию РСДРП на всех социалистических конгрессах, позднее – членом ЗД. Его тезис был лаконичен: демократия – это не только средство к достижению социалистической цели, но и «необходимый ингредиент» этой цели, немыслимой вне демократии. Утверждение же о невозможности демократии без социализма, по его мнению, опровергалось существованием буржуазных демократий достаточно «еще полнокровных», в Европе и Америке. В тактическом плане противоположное утверждение создавало опасность сужения антифашистского фронта, делало невозможной «мобилизацию» средних классов и крестьянства. Еще большей ошибкой Гарви посчитал ведение борьбы за мир под знаменем развязывания социальной революции и «перспективы прорыва социализма» в случае новой мировой войны, на самом деле создававшей опасность гибели всей цивилизации [8, с.802]. Тем самым, корректировались общие представления, сложившиеся у многих социал-демократов, и не только российских, в начале века о возможности превращения любых мировых катаклизмов в социальную революцию.

Своего рода подведением итогов проходившей дискуссии и участия в ней российских социал-демократов стало единогласно принятое Заграничной Делегацией РСДРП 27 сентября 1938 г. «Обращение ко всем членам партии» [выд. в тексте – С.С.] с перечнем задач тактического и стратегического плана. Также было утверждено «письмо к эмигрантским организациям других социалистических партий» с предложением об образовании координационного комитета для разрешения общих практических вопросов [8, с. 831–834]. Вопрос об итогах дискуссии, о борьбе за демократию еще раз стал предметом обсуждения на партийном совещании при Заграничной Делегации РСДРП 5-9 января 1939 г., где было провозглашено, что борьба за «дело мира, дело демократии и социализма» должна рассматриваться как «общая принципиальная основа» политической работы социалистических партий [выд. в тексте – С.С.] [9, с.20 – 28]. Они еще верили, что мир можно спасти, и старались сделать все возможное, что было в их силах, как

политиков и интеллектуалов. Правда, наиболее дальновидный Б. И. Николаевский, державшийся на совещании «пассивно», кратко заметил: «Как вы не понимаете, что речь идет не о демократии, а о выживании вообще...» [9, с.30].

И они, как могли, выживали в тяжелейших политических и материальных условиях, при постоянной нехватке средств, зачастую проводя сборы, даже «чрезвычайный взнос» в фонд партийного издания – «Социалистического Вестника», но выпуская его неукоснительно (безработным посылали его «за половину платы»). Его последний парижский номер вышел 1 июня 1940 г., а следующий уже в Нью-Йорке 15 ноября 1940 г. [12, 1940, 15 нояб. №11 (463)]

Таким образом, российские социал-демократы, обосновав понимание демократии не только как средства, но и как неотъемлемой цели массового движения, пытались спроецировать возможные практические пути ее достижения, внося свою лепту в разработку концепции демократического социализма.

Хочется в заключение привести оценку Уолтера Лакера, который еще в начале 1990-х в статье «Похвальное слово меньшевикам» утверждал, что «там, где многие сбились с пути», их убеждения делали невозможным компромисс ни с большевиками, ни с фашистами, и в этом им помогал немалый политический опыт и просто здравый смысл [4]. Остается только сожалеть, что подобные качества стали большим дефицитом у многих современных политиков.

Источники и литература

1. Александр Николаевич Потресов. Избранное / сост. Д.Б. Павлов. М: Мосгорархив, 2002. 488 с.
2. Власть и общество в представлениях левых общественно-политических движений. М: ИВИ РАН. 2005. 297 с.
3. Иванович Ст. [Португейс] А.Н. Потресов. Опыт культурно-психологического портрета. Париж: La Russie nouvelle (Maison du livre étranger), 1938. 222 с.
4. Лакер У. Похвальное слово меньшевикам // Новое время. 1992. №45. С.38 – 41.
5. Меньшевики в 1917 году. Т.3. Часть вторая. М: РОССПЭН, 1997. 712 с.
6. Меньшевики в 1919-1920 гг. М: РОССПЭН, 2000. 936 с.
7. Меньшевики в 1922-1924 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 728 с.
8. Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП, 1922 – 1951 гг.: в 2 ч. Ч.1. М.: РОССПЭН, 2010. 526 с.
9. Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП: в 2 ч. Ч.2. М.: РОССПЭН, 2010. 835 с.
10. Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российских социал-демократов. М.: Новый хронограф, 2012. 600 с.
11. Ненароков А.П. Экономические взгляды В.С. Войтинского // Россия. XXI. 2005. №6. С.160 — 177.
12. Социалистический Вестник. Орган Заграничной Делегации РСДРП. 1933 – 1944.
13. Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.

References

1. Aleksandr Nikolaevich Potresov. Izbrannoe (Alexander Nikolaevich Potresov. Selected Works) / D.B. Pavlov. Moscow: Mosgorarkhiv, 2002. 488 p.
2. Vlast' i obshchestvo v predstavleniyakh levyykh obshchestvenno-politicheskikh dvizheniy (Power and Society in the Ideas of Left-Wing Socio-Political Movements). Moscow: IWH RAS publ., 2005. 297 p.
3. Ivanovich St. [Portugeys] A.N. Potresov. Opyt kul'turno-psikhologicheskogo portreta (Experience of Cultural and Psychological Portrait). Paris: La Russie nouvelle (Maison du livre étranger), 1938. 222 p.
4. Laker U. Pokhval'noe slovo men'shevikam (Word of Praise to the Mensheviks) // Novoe vremya. 1992. No. 45. P.38 – 41.
5. Men'sheviki v 1917 godu (Mensheviks in 1917). Vol.3. Part 2. Moscow: ROSSPEN, 1997. 712 p.
6. Men'sheviki v 1919-1920 gg. (Mensheviks in 1919 – 1920). Moscow: ROSSPEN, 2000. 936 p.
7. Men'sheviki v 1922-1924 gg. (Mensheviks in 1922 – 1924). Moscow: ROSSPEN, 2004. 728 p.
8. Men'sheviki v emigratsii. Protokoly Zagranichnoy Delegatsii RSDRP, 1922 – 1951 gg. (Mensheviks in Emigration Protocols of Foreign Delegation of the Russian Social Democratic Workers' Party) in 2 p. Part.1. Moscow: ROSSPEN, 2010. 526 p.
9. Men'sheviki v emigratsii. Protokoly Zagranichnoy Delegatsii RSDRP (Mensheviks in Emigration Protocols of Foreign Delegation of the Russian Social Democratic Workers' Party): In 2 Part. Part.2. Moscow: ROSSPEN, 2010. 835 p.
10. Nenarokov A.P. Pravyy men'shevizm: prozreniya rossiyskikh sotsial-demokratov (The Right Menshevism: Epiphany of the Russian Social Democrats). Moscow: Novyy khronograf, 2012. 600 p.
11. Nenarokov A.P. Ekonomicheskie vzglyady V.S. Voytinskogo (Economic Views of V.S. Voitinsky) // Rossiya.XXI. 2005. No.6. P.160 — 177.
12. Sotsialisticheskiy Vestnik. Organ Zagranichnoy Delegatsii RSDRP. 1933 – 1944.
13. Tyutyukin S.V. Men'shevizm: stranitsy istorii (Menshevism: Pages of History). Moscow: ROSSPEN, 2002. 560 p.

Сведения об авторе

Смагина Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории XX – XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) / smagi.svetlana@yandex.ru

Information about the author

Smagina Svetlana M. – PhD in Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History of XX – XXI, Institute of History and Foreign Relations, South Federal University (Rostov-on-Don, Russia) / smagi.svetlana@yandex.ru